

DOI: <https://doi.org/10.32653/СН194959-970>

Исследовательская статья

Канукова Залина Владимировна

д.и.н, профессор

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева;
Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия
z.kanukova@mail.ru

Туаева Берта Владимировна

д.и.н, профессор

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
ms.amaga@mail.ru

Плиева Залина Тимуровна

к.и.н, доцент

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия
za-li@yandex.ru

Калирад Али

к.и.н., доцент

Тегеранский университет, Иран, Тегеран
kalirad@ut.ac.ir

ПЕРСИДСКАЯ ОБЩИНА ВЛАДИКАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (1917–1930-е гг.)

Аннотация. Цель настоящей статьи – исследование персидской общины Владикавказа в условиях революций начала XX в., Гражданской войны и ее последствий, неоднократной смены политических режимов и установления советской власти. Актуальность исследования определяется масштабностью современных миграционных потоков, ролью диаспоры как важного актора системы международных связей, а также неизученностью персидской общины Северного Кавказа советского периода и историко-географической ситуацией. В частности, иранские историки считали, что в 1919 г. пострадавшие от погромов персы ушли на родину; дореволюционные российские источники, содержащие множество терминов для обозначения персов (персияне, шииты, татары и пр.), внесли изрядную путаницу в определение этнической принадлежности мигрантов. В настоящей статье впервые введены в научный оборот источники, которые не оставляют сомнений в том, что в рассматриваемый период во Владикавказе сохранялась персидская, а не только азербайджанская община. Представленное исследование проведено с применением историко-системного метода: все события, сюжеты, нарративные материалы рассматриваются как единый процесс адаптации персидских мигрантов к новому политическому режиму. Анализ периодической печати и делопроизводственной документации, в частности, протоколов заседаний и отчетов различных национальных структур, позволил выявить практики «коренизации» в отношении персов. Впервые выявлены результаты смены традиционных диаспорных институтов на новые формы поддержки национальных меньшинств и их роль в вовлечении персов в советское общество. Установлено, что ликвидация персидской общины стала следствием нескольких взаимосвязанных факторов: сворачиванием новой экономической политики (НЭП), отказом от политики «коренизации», антирелигиозной кампанией и изменением внешнеполитического курса СССР в отношении Ирана. Сделан вывод, что в совокупности эти явления подорвали основы этнического предпринимательства, вызвали этнокультурный дискомфорт, лишили персов консульства как главного консолидирующего центра общины, и привели к депортации оставшихся в регионе персов на родину.

Ключевые слова: Владикавказ; революция; Гражданская война; общественно-политические трансформации; персы; адаптация; депортация

Для цитирования: Канукова З.В., Туаева Б.В., Плиева З.Т., Калирад А. Персидская община Владикавказа в условиях общественно-политических трансформаций (1917-1930-е гг.) // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. No 4. С. 959–970. doi.org/10.32653/СН194959-970

© Канукова З.В., Туаева Б.В., Плиева З.Т., Калирад А., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH194959-970>

Research paper

Zalina V. Kanukova
 Dr. Sci., Professor
 Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies
 Vladikavkaz Scientific Centre, RAS, Vladikavkaz, Russia
 z.kanukova@mail.ru

Berta V. Tuaeua
 Dr. Sci., Professor
 Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
 ms.amaga@mail.ru

Zalina T. Plieva
 Cand. Sci., Associate Prof.
 Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia
 za-li@yandex.ru

Ali Kalirad
 Cand. Sci., Lecturer
 University of Tehran, Iran
 kalirad@ut.ac.ir

PERSIAN COMMUNITY OF VLADIKAVKAZ IN THE CONTEXT OF SOCIOPOLITICAL CHANGES (1917-1930)

Abstract. This article examines the Persian community of Vladikavkaz during the early 20th-century revolutions, the Civil War and its aftermath, repeated shifts in political regimes, and the establishment of Soviet rule. The significance of this study lies in the current magnitude of migration flows, the diaspora's role as a key actor in international relations, and the limited knowledge available on the Persian community of the North Caucasus during the Soviet era, along with the historiographical situation. Notably, Iranian historians have previously believed that Persians who suffered from pogroms emigrated to their homeland in 1919; the pre-revolutionary Russian sources, with their varied terminology for Persians (Persians, Shiites, Tatars, etc.), have contributed to confusion regarding the ethnicity of migrants. This article introduces previously uncirculated sources that unequivocally demonstrate the presence of a Persian community in Vladikavkaz during the period under investigation, rather than simply an Azerbaijani community. This research employs a historical-systemic methodology, examining all events, plots, and narrative materials as a single process of adaptation by Persian migrants to a new political regime. The analysis of periodicals and official documentation, including meeting minutes and reports from various national structures, reveals practices of "indigenization" towards the Persians. The study uncovers the consequences of transitioning from traditional diaspora institutions to new forms of support for national minorities, and the role these plays in engaging Persians in Soviet society. The findings indicate that the liquidation of the Persian community was the result of several interconnected factors: the curtailment of the New Economic Policy (NEP), the abandonment of the "indigenization" policy, an anti-religious campaign, and a shift in the USSR's foreign policy towards Iran. These developments collectively undermined the foundations of ethnic entrepreneurship, fostered ethnocultural discomfort, deprived the Persians of their main consolidating center – the consulate – and ultimately led to the deportation of the remaining Persians in the region to their homeland.

Keywords: Vladikavkaz; revolution; Civil war; sociopolitical transformations; Persians; adaptation; deportation

For citation: Kanukova Z.V., Tuaeua B.V., Plieva Z.T., Kalirad A. Persian Community of Vladikavkaz in the Context of Sociopolitical Changes (1917-1930). *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.4. P. 959–970. doi.org/10.32653/CH194959-970

В этнической структуре Северного Кавказа, в частности, Терской области, персидские подданные появились во второй половине XIX в. в качестве трудовых мигрантов. Экономический кризис на родине, обнищание крестьян и ремесленников, традиционные связи с сопредельными российскими территориями приводили к массовой миграции иранского населения сначала в закавказские земли, а по мере перенасыщения местного рынка труда – в северокавказские регионы. Персы осваивали новые города, создавая в них свои кварталы и заполняя хозяйственные ниши.

История персидских общин второй половины XIX в. изучена достаточно обстоятельно. Авторами настоящей статьи выявлены причины, обстоятельства, маршруты миграции, этнический и социальный состав переселенцев, хозяйственные, правовые и социокультурные аспекты адаптации к принимающим обществам, деятельность персидских вице-консульств и отдельных консулов, мечетей, благотворительных организаций во Владикавказе [1–3]. Исследованы и другие аспекты сложных адаптационных процессов, включавших коллективные и индивидуальные практики приспособления к условиям новой жизни, с одной стороны, и механизмами сохранения своей идентичности, – с другой [4–7].

Однако советский период истории персидских общин остается неизученным. Иранские историки, ссылаясь на «Обзор деятельности на Кавказе» персидского вице-консула Давуд-Хана, его описание событий Гражданской войны («ужас», «сумасшествие», «бегство») и предпринятых им мер по организации выселения персидских граждан с российских территорий, считали, что в этот период персидские мигранты покинули страну, оставались только «турки» (азербайджанцы). Однако советские архивные источники не оставляют сомнений в том, что персидская школа продолжала функционировать: Давуд-Хан по-прежнему ее опекал и ходатайствовал о том, чтобы изучение персидского языка оставалось обязательным¹. Позднее А. Калирад также обнаружил и ввел в научный оборот архивные документы о персидской школе во Владикавказе в советское время [8–11]. Следует отметить, что в советских источниках, в отличие от дореволюционных, четко прописывались «персияне», турки (азербайджанцы) и татары. Поэтому не остается сомнений в том, что именно персидская община оставалась в регионе в течение всей трети XX в. и пережила вместе с другими народами процессы общественной трансформации.

В настоящей статье впервые ставится задача исследования персидской общины в периоды революций, Гражданской войны и НЭПа. Владикавказ становится в это время местом притяжения едва ли не всех известных политических акторов, претендовавших на власть в стране и пытавшихся закрепиться в регионе. История Владикавказа зеркально отражает политический процесс в России: в течение нескольких лет противостояние «красных» и «белых» приводило к власти разные силы, каждая из которых считала террор единственным верным средством утверждения своей власти.

В результате Февральской революции в марте в городе были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов, которые вместе с гражданским исполнительным комитетом, организованным городской думой Владикавказа, выразили полную поддержку Временному правительству. Вышедшие из подполья большевики сформировали объединенную с меньшевиками-интернационалистами партию – РСДРП. Политический процесс развивался достаточно активно: были созданы Войсковое правительство во

1. Свободный Терек, 1920. № 4.

главе с элитой казачества, Центральный комитет Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана во главе с представителями горских элит. Однако при множестве претендентов на власть, было очевидно ее реальное отсутствие. К лету 1917 г. произошло укрепление в городах Терской области советов, в состав которых вошли большевистские фракции; формировались профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты, были созданы Областной, а затем и окружной Советы крестьянских депутатов [12, с. 79–91]. Усиление позиций большевиков привело к разрыву с меньшевиками и созданию своей партийной организации.

Октябрьская революция в регионе столкнулась с наличием значительных сил контрреволюции, пребывающих из российских регионов, с одной стороны, и нарастанием межнациональных противоречий – с другой. Ситуация двоевластия требовала разрешения этого вопроса, поэтому на пленарном заседании Владикавказского совета было принято постановление о признании его единственным органом власти, подчиняющимся Совету народных комиссаров РСФСР. Но заседание Совета было прервано появлением представителей Терско-Дагестанского правительства, разгромившего Владикавказский комитет большевиков и возглавившего Терскую область в период с декабря 1917 – по март 1918 г. После провозглашения Терской автономной Советской республики в составе РСФСР в марте 1918 г. представители Терско-Дагестанского правительства ушли в Дагестан [12, с. 90–91].

Владикавказ стал центром Терской Советской республики, а к лету 1918 г. – важным опорным пунктом революции на Северном Кавказе. Одна из самых трагических страниц в истории города – августовские события 1918 г., когда 6 августа в город вступили отряды белогвардейцев. Эсеры и меньшевики успели образовать новое правительство, развернувшее террор, жертвами которого стали более 100 человек. Но 17 августа большевики перешли в наступление и к утру 18 августа изгнали белогвардейцев из города. Владикавказ понес большие потери, как от «белого», так и от «красного» террора. В феврале 1919 г. город был занят войсками Деникина, начался новый террор: 17 тысяч раненых и больных красноармейцев и командиров, размещенных в госпиталях Владикавказа, были расстреляны. Все это сопровождалось грабежами, убийствами, пожарами, эпидемией тифа, попытками массового бегства из города. 21 января 1920 г. во Владикавказе была создана Терская областная группа повстанческих войск и окружной ревком, организовавшие восстание силами повстанческих отрядов и Красной армии. 22 марта деникинцы бежали из города, власть перешла в руки ревкома [12, с. 91].

Перед персидской общиной, как и перед другими иностранными диаспорами, стояла задача выживания и адаптации к происходящим событиям. Персидские подданные в своем большинстве были трудовыми мигрантами, занимались торговлей, производством кирпича, различными ремеслами и поэтому становились объектами грабежа при всех часто сменяющихся политических режимах. В этих условиях заботу о соотечественниках взял на себя персидский консул Давуд-Хан аль-Назарэ, предпринявший ряд мер по выселению персов на родину, а затем – по политической адаптации оставшихся соотечественников к происходящим событиям. В 1918 г. газета «Народная власть» сообщала об основании «Иранской демократической партии», по аналогии с существовавшей партией в Иране, с центром во Владикавказе. В состав

партии вошли персы и «азербайджанские татары»². Партия создавалась в целях защиты персидского населения от поборов и грабежей, однако с такой задачей не могла справиться в то время ни одна политическая сила. В российском политическом процессе партия оказалась малозаметной.

В марте 1920 г. газета «Свободный Терек» опубликовала Приказ революционного совета обороны гор. Владикавказа от 24 марта 1920 г., в котором сообщала о переходе военной власти в городе к Революционному Совету Обороны г. Владикавказ и о введении военного положения. Запрещалось пребывание на улицах города после 8 часов вечера и беспорядочная стрельба, а также сообщалось, что аресты, обыски, реквизиции и конфискации не могут производиться без предписаний Военного революционного комитета или Совета Обороны³. «В течение последних дней стрельба по городу сильно уменьшилась; одиночные выстрелы кое-где еще раздаются. Обыватель понемногу приходит в себя и жизнь в городе начинает налаживаться», – сообщалось уже в следующем номере газеты⁴.

Персидское консульство внесло свою лепту в установление порядка: при нем был сформирован отряд самообороны, призванный охранять персов и их имущество. Отряд визуально отличался ношением национальной персидской формы⁵.

Персидский консул Давуд-Хан обратился к населению города с воззванием, в котором отмечал факт нейтралитета Персии как в мировой, так и в Гражданской войне, и предлагал все недоразумения, могущие возникнуть у населения с персидско-подданными, разрешать при участии персидского консульства.⁶

Более того, по инициативе Давуд-Хана, все находящиеся во Владикавказе консулы иностранных держав создали совет для защиты интересов своих подданных. В состав совета вошли персидский, грузинский, армянский, азербайджанский и сербский консулы. Председателем совета был избран персидский консул Давуд-Хан, как самый старший по возрасту.⁷

21 марта 1920 г. помощник главнокомандующего тов. Мордовцев – предводитель повстанческого отряда в Терской области – посетил представителей Грузии, Армении, Азербайджана, Сербии и Персии, «с каковыми имел длительную беседу по вопросам политического момента и об отношении Советской власти к этим государствам»⁸. Уже 29 марта представители вышеназванных государств нанесли ответный визит тов. Мордовцеву. Совет консулов Персии, Грузии, Армении, Сербии и Азербайджана представил Мордовцеву меморандум, в котором на основании норм международного права определялись права и привилегии иностранных подданных. К их числу были отнесены право освобождения от обязательной военной, административной или общественной службы, от насильственных займов, налогов и реквизиций, вызываемых войной или исключительными обстоятельствами. При беспорядках или кровавых событиях консулы просили защиту личности и имущества по местному законодательству. Также в меморандуме предусматривалось право на свободный и беспрепятственный переезд, безопасность которого должны обеспечивать местные

2. Народная власть, 1918. № 33.

3. Свободный Терек, 1920. № 3.

4. Свободный Терек, 1920. № 4.

5. Свободный Терек, 1920. № 3.

6. Свободный Терек, 1920. № 3.

7. Свободный Терек, 1920. № 4.

8. Свободный Терек, 1920. № 7.

власти. Высказывалась просьба проводить обыски в домах иностранцев и на торговых предприятиях в присутствии консула или назначенного им лица, который бы приглашался местной властью. Текст меморандума позволяет предполагать, что кроме заявленных норм международного права в его основу был положен горький опыт пережитого хаоса в условиях часто сменяющихся режимов. Мордовцев заверил консулов, что советская власть хочет жить в мире со всеми соседскими государствами и народами, и поэтому примет меры к тому, чтобы иностранные подданные могли пользоваться всеми принадлежащими им правами и привилегиями⁹.

17 ноября 1920 г. на съезде народов Терека была провозглашена Горская Автономная Советская Социалистическая Республика, осуществлявшая взаимодействие с центральными органами власти через свое Представительство при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Представительство занималось вопросами разработки и реализации национальной политики, но по мере выхода из Горской республики автономных национальных округов его функции сокращались, а после реорганизации Горской республики 7 июня 1924 г. и создания автономных областей в соответствии с Постановлением ВЦИК СССР, существование Представительства и вовсе утратило смысл.

В период НЭПа и в условиях национальной политики «коренизации» были созданы условия для представительства национальных меньшинств в органах власти. В 1924 г. Президиум ВЦИК разослал циркуляры о деятельности Уполномоченных по осуществлению мероприятий в области национальной политики. Они должны были собирать информацию о численности и жизнеустройстве национальных меньшинств, их экономических и культурных потребностях, тесно взаимодействовать с Отделом национальностей ВЦИК. Уполномоченные контролировали процесс создания низовых партийных организаций – партсекций национальных меньшинств. Работа с ними возлагалась на «Бюро Нацмен Округного комитета РКП (б)» и партсекции. На языках местных народов издавалась учебная и художественная литература, печатались газеты и журналы, велось делопроизводство.

Инфраструктура диаспоры менялась – место консульств, храмов, благотворительных и национальных культурных обществ занимали партсекции и национальные клубы. Если традиционная инфраструктура была результатом самоорганизации общины и ставила перед собой задачи сохранения и укрепления своей национальной идентичности в сочетании с максимальной интеграцией в местную экономику и социальную жизнь, то новая структура создавалась советской властью в целях нейтрализации религиозного и «буржуазного» национального влияния и вовлечения национальных меньшинств в советское строительство. При этом декларировалась необходимость учета их языковых и культурно-бытовых особенностей.

Анализ отчетов «Бюро нацмен Владикавказского окружного комитета ВКП(б)», а также протоколы заседания бюро тюркско-татарской партсекции за 1925–1926 гг., куда входили и этнические персы, свидетельствуют об активной работе ответственных лиц и слабой ответной реакции, а порой – о неприятии этой деятельности самими персами.

Например, «Бюро нацмен Владикавказского окружного комитета ВКП(б)» требовало от тюркско-татарской партсекции провести широкую агитационную кампанию

9. Свободный Терек, 1920. № 9.

против шиитского праздника ашура (*шахсей-вахсей*)¹⁰, который занимал особое место в духовной культуре персов. Секретарь тюркско-персидской партсекции Гасанов пытался отстаивать право персов на свою праздничную культуру, за что подвергся сокрушительной критике со стороны Бюро. Его обвинили в посещении торжественных мероприятий персов, в дружбе с коммерсантами, которых он привлек к работе секции. Старики с «рыжими крашенными бородками» страшно раздражали идеологов новой власти, несмотря на их готовность материально помогать персидской школе и общине в целом. Гасанов не поддержал лозунг «Женщина-персианка, долой паранджу, она закрывает солнце весны!», поскольку на Северном Кавказе персиянки не носили паранджу. Он также выступал против антирелигиозных пьес, которые подрывали доверие персов к партсекции, к нацклубу. Власти решили его уволить с должности, что вызвало возмущение персидской общины, представители которой обратились в Бюро с просьбой оставить столь ценного работника. Однако Гасанов был снят с должности и исключен из партии без права восстановления. Это событие отдалило персидскую общину от Бюро и партсекции, поскольку Гасанов был авторитетным лидером, связывавшим персов с новыми структурами власти¹¹. Столь же непродуманным шагом была борьба с культовыми шиитскими днями ашура (*шахсей-вахсей*). Владикавказские персы всегда отмечали эти дни, персидский консул заблаговременно извещал городскую управу и полицмейстера, что по случаю шиитских траурных дней в мечети будут совершаться молебствия. После захода солнца персы устраивали трапезу, читали Коран, проводили время в беседах об Али и его сыновьях, пересказывая подробности их трагической гибели, раздавали милостыню и старались совершать богоугодные дела¹².

Советские работники решили, что, назвав праздник буржуазным, муллу – жуликом и эксплуататором, обряд самобичевания – смертельно опасным, они тут же вычеркнули ашура из шиитской культуры. «Все эти фокусы созданы буржуазией, в целях эксплуатации бедняков-персов. Верхушечный слой буржуазии и церковнослужители поняли, что таким методом фанатичную, некультурную массу легче всего будет обдирать и эксплуатировать», – уверяли агитаторы¹³.

На совещании тюркско-татарской партсекции совместно с беспартийным активом 27 июня 1928 г. вновь рассматривался вопрос о предстоящих днях ашура. Праздник признали «абсолютнейшей вредностью», как созданный поработителями над темным трудовым народом персов с целью затемнения их сознания. Отдельный пункт постановления призывал бороться с обрядом самобичевания. Перед партийцами ставилась задача принять самое активное участие в разъяснении массам вредности праздника, отмежеваться от отсталой группы фанатиков, потребовать от них прекратить исполнение ритуального самобичевания, которое оказалось причисленным к преступным действиям и уголовным преступлениям. Предлагалось принять решительные меры с привлечением органов правопорядка¹⁴. Борьба с этой традицией проводилась в рамках антирелигиозной политики, но чиновники не понимали, что

10. Первые 10 дней священного месяца Мухаррам шииты с давних пор оплакивают мученическую смерть Хусейна, соблюдая строгий пост и траур, который сопровождается ритуальными действиями – инсценировками эпизодов битвы при Кербеле, где он погиб, и шествиями по улицам с черными знаменами.

11. Власть труда. 1927. № 236 (941).

12. Терские ведомости. 1885. № 18.

13. Власть труда. 1927. № 150 (855).

14. Протокол совещания Тюркской партсекции совместно с беспартийным активом от 27 июня 1928 г. // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (здесь и далее ЦГА РСО-А). Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 76.

персы были классической этноконфессиональной общностью с теснейшим переплетением религиозных и национальных традиций, поэтому восприняли кампанию как ущемление своих национальных потребностей. Замахиваясь на традицию, советские чиновники вовсе не приближались к решению поставленных задач по вовлечению персов в новую жизнь.

Персы, прикрепленные к тюркско-татарской национальной партсекции, практически не посещали ее заседаний даже после того, как местные газеты стали, по просьбе партсекции, публиковать объявления о заседаниях. Списки отсутствующих передавали в Бюро, но это не помогало активизировать партийцев-персиян¹⁵. Во время выборов в Городской совет в 1926 г. партсекция поставила вопрос о необходимости выдвижения кандидатов от персиян и татар, при этом в протоколах зафиксировано сомнение, будут ли они посещать заседания совета¹⁶.

Анализ протоколов партсекции показывает наличие множества проблем в ее работе, и не только материальных. Сами члены партсекции считали, что «три национальности трудно спаять для совместной работы». Одни предлагали размежевание по национальному признаку, другие – в рамках объединенной секции привлекать к работе не только партийцев, но и рабочих и студентов.

Из сохранившегося «Дела о работе персидской школы» следует, что в ней обучались персияне, тюркские и азербайджанские татары. Проясняется и спорный вопрос о ее местонахождении. На запрос от 13 января 1925 г. о помещении, занятом Персидской школой на углу улиц Московской и Августовских событий, зав. Владикавказского окружного отдела народного образования сообщал, что «дом занят персидской школой 1-й ступени, находящейся в ведении отдела, означенная школа помещается в этом доме с 18 октября 1922 г.; известно частным порядком, что в довоенное время дом этот также был занят под городское училище»¹⁷. В школе изучали русский и тюркский языки, арифметику на родном языке, природоведение, обществоведение. Обязательными предметами для всех групп были физическое воспитание и рисование. Всего в школе было три национальные группы, общей численностью 69 человек. Заведовал школой Б.А. Кочарлинский, который в свое время возглавил персидское новометодное училище «Навруз», он же преподавал тюркский язык и арифметику¹⁸.

Персидская община, по традиции, занималась вопросами своей школы и в советское время. На общем собрании персиян в 1924 г. проходили выборы представителя общины в школьный совет (избрали М. Гусейн Ахунд-Заде), выборы комитета содействия (избрали Мамеда Якубова, Рзу Хасанова, Кярима Камбарова, Кязима Кулиева, М. Исмаила Рустамова, Мусу Алиева), рассматривали вопрос о посещаемости уроков. Главным в повестке дня стало постановление ввести «фарси-язык», сделать его преподавание обязательным и увеличить число уроков¹⁹. Комитет содействия взял на себя задачу обеспечения школы учебниками и литературой на родном языке.

Школа находилась под пристальным вниманием власти. В 1925 г. она была включена в бюджет города Владикавказ, а к концу 1927 г. горсовет отчитывался о том, что в персидской школе произведен ремонт, увеличен школьный инвентарь, улучшен преподавательский

15. Протоколы заседаний бюро партсекций нацменов, существовавших при Владикавказском округе – Грузинской, Армянской и Тюркско-татарской // ЦГА РСФСР-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 24.

16. Там же. Л. 19.

17. Дело о работе персидской школы // ЦГА РСФСР-А. Ф.Р. 49. Оп. 1. Д. 303. Л. 28.

18. Там же. Л. 5.

19. Там же. Л. 21.

состав, школа обеспечена учебными пособиями²⁰. Ввиду слабой успеваемости учеников горсовет просил отдел народного образования увеличить в этих школах число уроков по русскому и родным языкам²¹. Для поддержки персидской школы и усиления партийного влияния было решено создать представительство от бюро секции²².

Новые структуры власти уделяли особое внимание вовлечению женщин в новую жизнь. Основной площадкой для политико-просветительской деятельности среди женщин считалась школа, и она действительно добивалась больших успехов. Но в отношении женщин-мусульманок все было сложнее. В сентябре 1924 г. зав. женского отдела Огрбюро РКП(б) Владгуборганизации М. Абухова обратилась в ГОРОНО с просьбой об открытии специальной школы для девочек-персиянок. Просьба обосновывалась тем, что по законам шариата они не могут обучаться в школах совместно с мальчиками, и поэтому женотделу с ними трудно вести просветительскую работу. На специальную школу возлагались большие надежды²³.

Довольно удачной раннесоветской практикой следует признать организацию для «женщин-нацменок» школ кройки и шитья, как неких «точек кипения» для агитационной работы. Женское рукоделие было частью традиционной культуры, умение шить считалось большим достоинством женщины, поэтому привлечь их в такую школу было более вероятно. Партсекция считала, что должна принимать активное участие в культурном и политическом просвещении «женщин-националок», убеждать их в том, что социализм заботится о них больше, чем шариат, защищает от многоженства, выдачи замуж в малолетнем возрасте, уплаты калыма. Но в отличие от армянской, грузинской и татарской школ, персидская школа кройки и шитья с трудом набирала учениц. Партийцы едва ли не на каждом заседании секции обсуждали вопросы персидской школы кройки и шитья. Причинами ее отставания от других школ признавались материальные проблемы, необходимость оплачивать обучение. В отчетном докладе школы за 1926 г. сказано, что Бюро тюркско-татарской партсекции, рассматривая вопрос об обучении персиянок, обсуждало ветхость оборудования и нехватку отпущенного времени (три занятия в неделю считались недостаточными), языковой барьер и халатное отношение к персидским девушкам. Было решено признать работу школы слабой, приобрести швейные машины, заменить инструктора и изыскать средства для школы. Для улучшения материального положения школы решили с зажиточных персиянок брать по 3 рубля, а девушек из бедных семей обучать бесплатно. Поступило также предложение продумать подготовку кадров организаторов женской воспитательной работы, делегировать представителей «националок» на курсы подготовки организаторов и подключить партсекции к этой работе, установив связь с Отделом работниц Горсовета²⁴.

Год спустя ситуация не поменялась и стала объектом внимания местной прессы. «Около года существует школа кройки и шитья при клубе нацменов. Там учится 35 девушек. Плата за обучение небольшая, едва хватает на оплату инструктора. Одна швейная машина, несколько столов и скамеек, – вот и весь инвентарь школы. Часто приходится ученицам стоять в очереди у машины, что отражается на работе, отбивает

20. Власть труда, 1927. 229 (934).

21. Власть труда, 1927. 185 (890).

22. Протокол совещания Тюркской партсекции совместно с беспартийным активом от 27 июня 1928 г. // ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 40. Л. 74.

23. Ходатайство об открытии специальной школы для девочек-персиянок // ЦГА РСО-А. Ф.Р. 49. Оп. 1. Д. 229. Л. 51.

24. Протоколы заседаний бюро партсекций нацменов, существовавших при Владикавказском окркоме – Грузинской, Армянской и Тюркско-татарской // ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 44–46.

к ней охоту у учениц. А ведь школа эта база для работы с «националками». В ней проводится политико-воспитательная и культурно-просветительская работа среди женщин-нацменок. Вопрос о приобретении второй машины давно стоит перед школьным советом. На помощь школе пришла женкомиссия. Договорились с правлением клуба нацмен, привлекли лучшие артистические силы, устроили в клубе нацмен вечер, который дал 132 рубля прибыли. На эти деньги планировалось купить машину»²⁵. Другой корреспондент отмечал, что «первый раз персиянки пришли в чадрах. Родители предупредительно провожали их до самых дверей школы и ждали, пока не закончатся занятия. А затем многие девушки чадры сняли»²⁶.

В связи с тем, что ситуация в персидской школе кройки и шитья не улучшалась, посещаемость персиянок оставалась низкой, партсекция татар предложила перевести ее в татарский район вместе с имуществом и ученицами и преобразовать в тюркско-татарскую. Предложение было принято в надежде, что объединение даст новый импульс в деятельности школы²⁷.

К 10-летию Октябрьской революции совещание женработников решило для поддержки «женщин-националок» открыть производственно-художественную ковровую мастерскую. Ковроткачество было традиционным занятием персиянок, до революции во Владикавказе работал персидский ковровый цех, где изготовлением ковров занимались только женщины²⁸.

Важным звеном советской национальной политики были Нацклубы. В январе 1926 г. на заседании тюркско-татарской партсекции слушали годовой отчет завклубом Захранбекова, но работу клуба признали слабой, рекомендовали оживить ее за счет создания кружков, изыскать средства, пополнить библиотеку. Выступавшие указывали на тяжелое материальное положение клуба. Сам заведующий оправдывал отсутствие массовой агитационной работы персидскими традициями, согласно которым женщины не посещают общественные места. При этом была отмечена неплохая работа по подготовке Ликбеза для персов при клубе. Постановили выписать литературу на татарском и персидском языках [1, с. 175].

Однако «золотое время» этнокультурного развития национальных меньшинств подходило к концу. Актуализация этнодифференцирующих характеристик народов региона плохо сочеталась с провозглашенной задачей сближения наций и создания единой общности – советского народа. В начале 1930-х гг. политика «коренизации» стала сворачиваться в ходе кампании борьбы с «буржуазным национализмом». Постановление «Об усилении обслуживания нацмен СССР по советской линии» от 21 февраля 1930 г. распределяло его по всем отделам ЦК и местным партийным органам. В частности, задача активизации работы с национальными меньшинствами ставилась перед Президиумом Совета Национальностей, перед Орготделом ЦИК СССР, перед нацменотделами при ЦИКах, краевых и окружных исполкомах» и т.д. В первую очередь упразднялись национальные партсекции, а со временем – все остальные национальные структуры, сотрудники которых переводились в советские органы власти [13, с. 19–20]. Безусловно, политика «коренизации» предлагала персам новые формы развития языка и культуры, но неграмотные действия чиновников стали основной причиной сла-

25. Власть труда. 1927. №. 228 (933).

26. Власть труда. 1927. № 185 (890).

27. Протоколы заседаний бюро партсекций нацменов, существовавших при Владикавказском округе – Грузинской, Армянской и Тюркско-татарской // ЦГА РСФСР-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 101.

28. Власть труда. 1927. № 191 (896).

бой ответной реакции на попытки их вовлечения в советское общество.

8 апреля 1929 г. решением Совнаркома Северо-Осетинской АССР на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» была закрыта шиитская мечеть во Владикавказе. Горсовет поддержал это решение, оправдывая его тем обстоятельством, что шиитская община раскололась и несколько лет в мечети не проводились религиозные обряды²⁹. Персам действительно приходилось делить мечеть с иноэтничными шиитами – русско-подданными турками (азербайджанцами), между ними возникали конфликты, администрация области всегда поддерживала своих подданных, поэтому мечеть не стала местом притяжения персидской общины.

Отказ от НЭПа также имел негативные последствия для персов. После разорения и погромов Гражданской войны новая экономическая политика позволила им восстановить торговлю и предпринимательство. Поэтому отказ от нее подрывал основы жизнеустройства персидской общины.

Серьезным дестабилизирующим фактором были меняющиеся внешнеполитические отношения Персии и СССР. НЭП усиливал торгово-экономическую составляющую внешней политики, создавал перспективные векторы развития. Но сворачивание новой экономической политики отдаляло надежду на урегулирование торговых и экономических отношений. Собрание представителей персидской колонии в 1927 г. встретило сообщение о подписании советско-персидского соглашения с большим энтузиазмом и надеждой на устранение имеющихся неясностей и недоговоренностей.³⁰ Однако эти надежды были напрасны, внешнеполитический курс СССР менялся. К началу 30-х гг. в стране была прекращена выдача видов на жительство иностранцам, не имеющим национальных паспортов, а в 1937 г. вышло постановление Совета Народных Комиссаров СССР о депортации персов на родину.

Таким образом, персы, сохраняя политический нейтралитет, выработали свои формы адаптации к новому политическому режиму: создание Иранской демократической партии, отряда самообороны при Персидском консульстве с целью защиты от погромов и грабежей, создание персидским консулом совета для защиты интересов иностранных подданных, переговоры с представителями новой власти. В период политики «коренизации» персы вошли в советские структуры: партсекцию, нацклуб, имели школу с преподаванием фарси, что давало надежду на сохранение своей идентичности. Однако грубое вмешательство чиновников в традиционную культуру персов в ходе антирелигиозной кампании и борьбы с «пережитками» прошлого, стало причиной этнокультурного дискомфорта и слабой ответной реакции на попытки советской власти вовлечь их в советское общество. Сворачивание новой экономической политики и подрыв основ этнического предпринимательства персов, отказ от политики «коренизации», ликвидация консульства как главного консолидирующего центра общины привели к разрушению персидской общины, а изменение внешнеполитического курса СССР в отношении Ирана – к депортации оставшихся в регионе персов на родину.

Финансирование. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-59-56005.

Acknowledgements. The study was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-59-56005.

29. Из протокола № 20 заседания Президиума Горсовета // ЦГА РСО-А. Ф. 629. Оп. 2. Д. 32. Л. 45.

30. Власть труда 1927. 228 (933).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2010. – 237 с.
2. Плиева З.Т. Миграционная история иранцев на Северном Кавказе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2021. № 4. С. 49–56. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-4-49-56
3. Канукова З.В., Калирад А. Консульские службы в диаспорных процессах на Северном Кавказе (вторая половина XIX – первая треть XX века) // Известия СОИГСИ. 2019. №34 (73). С. 45–53. DOI: 10.23671/VNC.2019.73.42912
4. Марзоев И.-Б.Т. Осетино-персидские социально-политические связи и родственные отношения в XIX – начале XX в. // Kavkaz-Forum. 2020. № 2 (9). С. 74–82. DOI: 10.46698/g8699-2632-4518-b
5. Хансаева Д.В. Персидская диаспора Владикавказа (по материалам периодической печати второй половины XIX – начала XX века) // От Фирдоуси до Пушкина: русский язык как средство международной коммуникации. Сборник материалов Российско-иранской научно-практической конференции. Владикавказ: СОГУ, 2021. С. 107–112.
6. Хубулова С.А., Хаббиева Л.Ч., Дзотцоева З.Е., Магомадов С.С. Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начала XX века // Былые годы. 2018. Вып. 49 (3). С. 1224–1236. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1224
7. Этнографический атлас республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2020. – 196 с.
8. Каземи К. Исследование роли Иранского консульства во Владикавказе в создании обстановки мирного сосуществования и развития ирано-российского сотрудничества: культурно-цивилизационные рамки // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества. Владикавказ: СОГУ, 2018. С. 68–69.
9. Калирад А. Поднятие красных флагов: Гражданская война в России в докладах Консульства Ирана во Владикавказе // Иран и Северный Кавказ: история и перспективы сотрудничества. Владикавказ: СОГУ, 2018. С. 66–67.
10. Калирад А. Иранцы на горе Каф: исследование документов консульства Ирана во Владикавказе (1897–1919 гг.) // Исследования исторических наук. 2020. Т. 11. № 2. С. 207–230.
11. Владикавказ. Южный форпост России. 1784–2014. Владикавказ: Терские ведомости, 2014. – 282 с.
12. Акопян В.З. Национальные подразделения в органах власти Терского округа (1920–1930) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (1). С. 11–22. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.1

1. Tuaeava BV. *Local history: features of the cultural and social life of the cities of the North Caucasus in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries*. Vladikavkaz: SOIGSI VSC RAS, 2010. (In Russ)
2. Plieva ZT. Migration history of Iranians in the North Caucasus. *Bulletin of the Khetagurov North Ossetian State University*. 2021, 4: 49-56. DOI: 10.29025/1994-7720-2021-4-49-56 (In Russ)
3. Kanukova ZV., Kalirad A. Consular services in diaspora processes in the North Caucasus (second half of the 19th - first third of the 20th century). *Izvestia SOIGSI*. 2019, 34(73): 45-53. DOI: 10.23671/VNC.2019.73.42912 (In Russ)
4. Marzoev I-BT. Ossetian-Persian socio-political ties and family relations in the 19th – early 20th centuries. *Kavkaz-Forum*. 2020, 2(9): 74-82. DOI: 10.46698/g8699-2632-4518-b (In Russ)
5. Khapsaeva DV. The Persian diaspora of Vladikavkaz (based on materials from periodicals of the second half of the 19th – early 20th centuries). *From Ferdowsi to Pushkin: the Russian language as a means of international communication. Collected materials from the Russian-Iranian scientific and practical conference*. Vladikavkaz: SOGU, 2021. pp. 107–112. (In Russ)
6. Khabulova SA., Khablieva LCh., Dzatsoeva ZE., Magomadov SS. Persian-subject population of the Terek region in the socio-economic and cultural processes of the second half of the 19th – early 20th centuries. *Bylye gody*. 2018, 49(3): 1224-1236. DOI: 10.13187/bg.2018.3.1224 (In Russ)
7. *Ethnographic atlas of the Republic of North Ossetia-Alania*. Vladikavkaz: SOIGSI VSC RAS, 2020. (In Russ)
8. Kazemi K. Study of the role of the Iranian consulate in Vladikavkaz in creating an environment of peaceful coexistence and development of Iranian-Russian cooperation: cultural and civilizational framework. *Iran and the North Caucasus: history and prospects for cooperation*. Vladikavkaz: SOGU, 2018: 68-69. (In Russ)
9. Kalirad A. Raising the red flags: The Civil War in Russia in the reports of the Iranian Consulate in Vladikavkaz. *Iran and the North Caucasus: history and prospects for cooperation*. Vladikavkaz: SOGU, 2018: 66-67. (In Russ)
10. Kalirad A. Iranians on Mount Kaf: a study of documents from the Iranian consulate in Vladikavkaz (1897–1919). *Issledovaniya istoricheskikh nauk*. 2020, 11(2): 207-230. (In Russ)
11. *Vladikavkaz. Southern outpost of Russia. 1784–2014*. Vladikavkaz: Terek Vedomosti, 2014. (In Russ)
12. Akopyan VZ. National divisions in the authorities of the Terek district (1920–1930). *Gumanitarnie i yuridicheskie issledovaniya*. 2022, 9(1): 11-22. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.1.1 (In Russ)

Поступила в редакцию 21.07.2023 г.
Принята в печать 18.11.2023 г.
Опубликована 15.12.2023 г.

Received 21.07.2023
Accepted 18.11.2023
Published 15.12.2023